

2046 год, район Юньлон, Гонконг, ночь.

На улице рядом с общежитием мужчина зажег ряд свечей в форме сердца, пламя которых колебалось и трепетало на ветру. Жители со второго, третьего, четвёртого этажей высыпали на балконы, указывая пальцами и обсуждая происходящее.

— Вау... Это так старомодно...

— Что за ерунда... В каком веке мы живём?..

На пятом этаже, в коридоре, тихо стоял человек. Лу Шаожун открыл телефон, на экране которого горел ряд пропущенных звонков. Синий свет отражался на его лице.

Мужчина закончил расставлять свечи, выпрямился, сложил руки рупором и начал кричать.

— Лу—Шаожун—!

В здании общежития сотни зрителей словно оглушило громом. Все разом повернулись, устремив взгляды на одиноко стоящего на пятом этаже Лу Шаожуна.

— Я люблю тебя— Я был неправ— Вернись со мной—! — громко кричал мужчина. — Шаожун— Я готов провести с тобой всю жизнь—!

Толпа разразилась возмущением:

— Чёрт, это гей признаётся в любви!

Лу Шаожун сдержал улыбку и вздохнул:

— У геев тоже есть чувства, но... твой способ извинения слишком старомоден.

— Я тебя не знаю—!

Пять лет спустя.

Тайфун Наташа, восьмой по счёту, обрушился на город. Порт Виктория закрыт, огни вдоль переплетающихся улиц один за другим гаснут. Весь Гонконг погрузился в кратковременное отключение электричества.

Напротив дома, на огромном рекламном щите, бешено развевался плакат виртуальной игры «Меч Шу». Вскоре верёвки порвались, и плакат унесло в небо.

В квартире было темно. Лу Шаожун закрыл шторы и нажал несколько кнопок на телефоне.

Звонок был принят.

Лу Шаожун немного помедлил, прежде чем спросить:

— Ты... переправился? Мне встретить тебя?

На другом конце провода слышался свист ветра. Мужской голос ответил:

— Не звони больше, Шаожун, мы расстались... Не стоит...

— Паромы не ходят... Осталось всего три автобуса...

Мужчина продолжал бормотать, пока ветер не стих. Затем он понизил голос и подытожил:

— Я с девушкой, не звони мне больше. Я серьёзно хочу жениться на ней... Она уже начала подозревать. На этом всё, пока.

— Подожди! Ты...

Звонок оборвался.

Лу Шаожун замер на несколько секунд, затем глубоко вздохнул и с яростью швырнул телефон на пол, разбив его вдребезги.

В темноте он прошёл на кухню, взял банку пива, вернулся в гостиную и устало прилёг на диван, сделав несколько глотков. Затем приложил полухолодную банку ко лбу.

Спустя мгновение он свернулся калачом и зарыдал.

Электричество восстановилось. Экран телевизора был заполнен снегом. Голова Лу Шаожуна раскалывалась от боли. Он лежал на диване, постепенно погружаясь в сон.

На следующий день у него поднялась температура. Тайфун прошёл, и всё вернулось в норму, но его уволили с работы.

Срок аренды квартиры истёк, с парнем он расстался, работу потерял. К этой маленькой квартире он больше ничего не чувствовал. В тот же день он собрал вещи, взял картонную коробку, наполненную мелочами, и покинул район Дапу.

Ему некуда было идти. Он сидел в автобусе, пребывая в полной прострации, пока на одной из остановок не вышел, инстинктивно вернувшись в самое знакомое место. Он нажал на кнопку звонка у двери.

Изнутри доносился стук маджонга. Женщина с сигаретой в зубах подошла к двери, приоткрыла её, оставив цепочку на месте, и настороженно выглянула наружу.

Лу Шаожун с трудом сглотнул. Из его пересохшего горла вырвалось слово, которое он не произносил много лет:

— Мама.

Женщина нахмурилась, но в конце концов неохотно открыла дверь.

Стук маджонга в комнате прекратился. Шаожун огляделся и увидел, что дом выглядит так же, как и в тот день, когда он ушёл. Женщина сказала:

— Иди в гостевую комнату. Я позвоню твоему отцу, чтобы он вернулся днём.

Лу Шаожун с трудом улыбнулся, кивнул нескольким незнакомым женщинам за столом для маджонга и быстро прошёл в гостевую комнату.

Мать Лу Шаожуна развелась с его отцом, когда он был ещё маленьким, и уехала за океан в Канаду, чтобы выйти замуж, бросив четырёхлетнего Шаожуна и его отца-алкоголика в Гонконге.

Вскоре отец женился на женщине, приехавшей из материкового Китая на работу в Гонконг. Странно, но после того как его первая жена оставила их с сыном, отец нашёл хорошо оплачиваемую работу в японской компании. Через несколько лет он бросил пить, начал своё дело, и дела пошли в гору.

С деньгами отец снова начал пить, но сын был несчастлив. Лу Шаожун иногда ссорился с отцом, пытаясь убедить его, что мать ушла из-за его пьянства, но отец просто сводил всё к тому, что «твоя мать — мужегонка».

Так что для отца развод был благом, но не для сына. Потому что скрытый смысл был в том, что «твоя мачеха приносит удачу».

И, как Золушка, Лу Шаожун терпел холодные взгляды мачехи и больше не чувствовал тепла в этой семье. В восемнадцать лет, окончив школу, он покинул Юньлон и начал самостоятельную жизнь.

В девятнадцать лет он работал спасателем на пляже и спас студента, пришедшего на купание. Тот под предлогом благодарности пригласил его к себе домой, напоил и «сделал геем».

Они то расходились, то сходились. Лу Шаожун приходил домой раз в два года, а тот студент лично приезжал к нему домой, чтобы извиниться и уговорить его вернуться.

Так началась эта история, и это была сцена, которую Лу Шаожун запомнил навсегда.

Возможно, больше никто в жизни не будет так глупо и романтично признаваться ему в любви, зажигая свечи под окном и крича на весь дом.

Хотя это и стало причиной слухов о том, что сын Лу — гей, сам Лу Шаожун чувствовал, что именно этого он и хотел.

Пусть будет глупо.

Конечно, отец этого совсем не хотел и предпочёл забыть о существовании сына, которому нравится, когда на нём ездят мужчины.

После этого Лу Шаожун прожил со своим парнем пять лет, и на праздники они всё же приходили домой к отцу, каждый раз становясь новым поводом для обсуждений.

Потом отец, не выдержав сплетен соседей, сказал ему:

— Можешь приходить, но этого мужчину не приводи.

Лу Шаожун почувствовал отвращение отца и больше не возвращался домой.

А теперь, оказавшись в безвыходной ситуации, он всё же вернулся.

Он лежал на кровати в гостевой комнате, вспоминая свою неудавшуюся жизнь, и слушал, как среди стука маджонга в гостиной раздавались откровенные обсуждения.

— Сын Лу — гей...

— ...Сейчас много таких, непонятно, о чём они думают, жалко, жалко... Шесть тысяч.

— Говорят, у старого Чжана, который жил напротив, сын тоже гей... Почему их так много... Девять палочек, а если все мужики станут геями, то что же мы, женщины...

— Ладно, ладно...

Женщины, обычно скучающие, в такие моменты оживлялись, словно на празднике, наперебой давая советы мачехе Лу Шаожуна, перебивая друг друга.

Лу Шаожун с болью прижал подушку к ушам, но голоса женщин были слишком пронзительными, проникая в его сознание.

Пока звонок в дверь не прервал этот кошмар. Отец вернулся и спас сына.

Женщины заискивающе поздоровались с отцом, за дверью раздался знакомый низкий голос.

Мачеха взяла у мужа купленные продукты и пошла готовить ужин. Сын вернулся домой, и отец решил добавить несколько блюд.

В гостиной игра в маджонг закончилась. Отец постучал в дверь гостевой комнаты.

— Почему телефон выключен?

Отец принёс низкий стул и сел.

Лу Шаожун лежал на кровати, глядя в потолок, и ответил:

— Разбил.

Отец открыл две банки пива. Лу Шаожун сказал:

— Не буду пить, алкоголь мешает.

Отец ответил:

— Тебе нечего терять, выпей.

Лу Шаожун сел, сделал глоток и тяжело вздохнул, держа банку в руках. Он равнодушно сказал:

— Мы с ним расстались.

Отец даже не помнил имени парня своего сына. Он хотел утешить Шаожуна, но тот продолжил:

— Папа, я хочу... вернуться сюда на несколько дней, найти новую работу и начать всё заново.

Отец был рад, внимательно разглядывая лицо сына. Шаожун был очень похож на свою мать, особенно тонкими губами. Отец подумал, что люди с тонкими губами бессердечны, и снова почувствовал лёгкое отвращение.

Всё же его младший сын от нынешней жены был лучше — с толстыми губами, большими ушами и носом, что считалось признаком удачи.

<http://bllate.org/book/15504/1375069>